

VOENNYI VESTNIK

MILITARY BULLETIN MILITARBULETTIN BULLETIN MILITAIRE BÖLETTIN MILITAR

4, Zubovski boulevard, K-21, Moscow, GSP, 103786, USSR		
Editorial Office tel. 201.34.24 telex: 411101 Fax: 230.21.19		Circulation Department tel. 201.71.28 telex: 411381
© AIP Association of Independent Publications 1991		

N 13 (115)

ИЮЛЬ 1991

СОТРУДНИК МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР СЕРГЕЙ
СЕРЕДА: К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ
.....1

ПОЛКОВНИК Р. САВУШКИН, ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР:
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ
.....5

ОТКЛИКИ И РЕЦЕНЗИИ НА ПУБЛИКАЦИИ
ВОЕННОГО ВЕСТНИКА

ВИКТОР КОТОВ: МНЕНИЕ ИСТОРИКА О СТАТЬЕ "ПЕРВАЯ МИРОВАЯ
ВОЙНА И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ"
(Военный Вестник N 8-9 1991 г.)
.....21

СОТРУДНИК МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР СЕРГЕЙ СЕРЕДА: К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В связи с обсуждением будущих структур и направлений деятельности политического союза стран ЕС, а также с выработкой новой стратегии НАТО в западноевропейских странах в последнее время активизировалась работа по разработке концепций единой политики в области безопасности и обороны.

При этом предполагается, что планирующееся к концу 1992 года формирование политического союза "двенадцати" не будет полноценным без распространения его компетенции на вопросы обороны и безопасности. Несмотря на достижение принципиального согласия о необходимости общей оборонной политики, в ЕС пока нет единства в отношении масштабов и темпов формирования ее структуры. В настоящее время оформилось размежевание на два подхода к оборонному строительству в рамках ЕС - европейскому и атлантическому.

Проявлением этих тенденций служит растущее противоречие между Лондоном и Парижем. Поэтому вопрос о будущем ЗЕС приобретает особое значение. Сторонники сильной и автономной в военном отношении Западной Европы считают ЗЕС потенциальным центром координации военно-политической деятельности государств-членов ЕС, а в более отдаленной перспективе и создания западноевропейских многонациональных вооруженных сил.

В зависимости от общих представлений об основах будущей системы безопасности, в ЗЕС видят либо европейскую опору НАТО, своего рода мостика между НАТО и ЕС, либо военный компонент будущего Европейского политического союза.

Наиболее активно в пользу сращивания ЗЕС и ЕС выступает Франция. Во французских предложениях о придании ЕС военных функций и отмене права вето при рассмотрении внешнеполитических и оборонных вопросов англичане

усматривают опасность ослабления единых военно-политических структур Запада. Подход англичан заключается в сохранении ключевой роли НАТО в военно-политических институтах Запада при некотором расширении военно-оперативных функций ЗЕС. Предполагается, что ЗЕС будет выполнять роль координатора европейской оборонной политики и военной политики НАТО.

При этом, выдвигается идея о трех географических зонах разделения компетенции:

1. Собственно зона ответственности НАТО, в которой любые решения европейцев в области обороны и безопасности должны быть подчинены решениям Североатлантического Союза;
2. Зона вне пределов ответственности НАТО, в которой могут действовать формируемые по мере необходимости самостоятельные европейские интервенционные силы, обязанные сотрудничать с НАТО;
3. Зона Центральной и Восточной Европы, в которой европейские страны - члены НАТО, в случае конфликтов, могут действовать в соответствии со своими специфическими интересами.

Такой умеренно-прагматический подход Лондона находит поддержку Голландии, Португалии, Дании и Ирландии. Усиление оборонного компонента ЕС, по их мнению, нежелательно, т.к. это автоматически подтягивало бы к военным структурам Запада страны Восточной и Центральной Европы, стремящихся к ассоциации с "Общим рынком".

Концепция немцев относительно новой роли ЗЕС в укреплении "европейской опоры" атлантического альянса основывается на том, что ни ЗЕС, ни будущее европейское оборонительное сообщество в рамках политического союза ЕС не претендуют на замену политической и военной роли НАТО. ФРГ едина с США в том, что безопасность Америки и Европы

неделима и потому НАТО и впредь должна играть ведущую роль в обеспечении европейской безопасности.

Как представляется, итальянцы полагают, что процесс формирования новой модели безопасности должен опираться на существующие западные структуры, прежде всего НАТО, ЕС, Совет Европы и проходить в рамках СБСЕ. В Риме, судя по всему, исходят из того, что не существует противоречия между западноевропейской интеграцией в рамках "12-ти" и атлантической солидарностью. Нарастание западноевропейской политической интеграции и пересмотр стратегии и структуры НАТО – процессы параллельные и взаимосвязанные. При трансформации НАТО удельный вес европейского военного компонента должен возрасти, чтобы Европа могла уравновесить "военную реальность СССР", а также обезопасить себя от угроз с юга.

Как известно, Италия предлагает компромиссный вариант с целью сблизить позиции противоположных сторон, который включает в себя три этапа. Первый закончился в 1989 году с истечением срока действия расширенного Брюссельского договора ЗЕС. Союз становится связующим звеном между ЕС и НАТО.

Второй этап длится пять лет, в течение которых ЗЕС должен полностью интегрироваться в ЕС.

Третий этап предусматривает создание западноевропейского федерального государства, в котором вопросы безопасности и обороны будут решаться среди прочих на федеральном уровне. Если подвести итог дискуссии в ЕС по вопросам политики безопасности и обороны, то он может быть 7:5 в пользу сторонников распространения компетенции ЕС на вопросы безопасности и обороны. Однако тенденция к усилению самостоятельности Западной Европы в военных делах с заметной озабоченностью воспринимается в Вашингтоне. И это понятно –

США выступают за создание треугольника НАТО-ЕС-ЗЕС, где вершиной должна стать НАТО.

Рассматриваются также и идеи создания параллельных структур или заменяющих НАТО механизмов коллективной безопасности, прежде всего в контексте формирования новых структур СБСЕ.

Строго говоря, если планы объединения интересов ЕС-ЗЕС-НАТО будут осуществлены, то, в принципе, это может оказаться приемлемым как для "атлантистов", так и для "европеистов", что позволит, на наш взгляд, достичь компромиссного решения в вопросе о задействовании военного компонента за пределами географической зоны действия НАТО.

В целом, анализ складывающейся ситуации приводит к выводу о том, что в результате оживления ЗЕС, могут сложиться условия, благоприятствующие строительству военно-политической системы безопасности Европы "от Бреста до Бреста", правда, без участия Советского Союза.

Причем, многочисленные заверения наших западных партнеров о нежелании вести дело к изоляции СССР, все чаще увязываются с перспективами внутривосточного развития в Советском Союзе.

Советский Союз выступает за дальнейшее развитие тесных партнерских отношений с Европейским Сообществом и другими западноевропейскими группировками, как в экономике, так и в политике. Но он против того, чтобы на базе этих организаций создавались какие-либо дополнительные военные группировки, способные по-новому расколоть европейцев.

По нашему мнению, все более отчетливо вырисовывающееся в настоящее время социально-экономическое неравенство в развитии европейских стран, возможная изоляция некоторых из них от интеграционных процессов, грозит не меньшими опасностями для стабильности на континенте, чем успешно

устраняемая военная угроза.

*

ПОЛКОВНИК Р. САВУШКИН, ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР:
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ

В эти дни начался отсчет трагических событий и побед пятидесятилетней давности, которые произошли за 1418 дней Великой Отечественной войны. Отмечая эти даты, мы хотели бы вновь вернуться к событиям тех лет, несколько более обогащенные документальными знаниями, чтобы путем анализа ставших известными за последнее время фактов уточнить прежние оценки и выводы.

Эта обзорная статья преследует цель кратко изложить направления и этапы развития военного искусства командования Красной Армии.

1418 дней Великой Отечественной войны - это 9 военных кампаний, в рамках которых была проведена 51 стратегическая операция. Из них - 14 оборонительных, в большинстве своем в самом тяжелом, начальном периоде войны и 37 наступательных операций.

Военно-доктринальные взгляды в СССР на возможное развитие военного конфликта между двумя государствами, существовавшие в конце 30-х годов, предполагали, что мобилизационное и стратегическое развертывание вооруженных сил сторон будет идти почти одновременно и параллельно. На определенном этапе конфликт перерастет в "горячую фазу" и противники вступят в начальный период войны, сущность которого будет состоять в борьбе за упреждение противника в завершении мобилизации, оперативном развертывании

войск/сил, в захвате стратегической инициативы и достижении важных преимуществ для последующего ведения войны.

Эти взгляды соответствовали опыту начального периода Первой мировой войны, но не учитывали опыта германо-польской войны, в которой Германия обрушила на Польшу полностью отобилизованные и развернутые вооруженные силы. Тем не менее, в соответствии с этими взглядами проводилось оперативное планирование и принимались практические меры по подготовке обороны и оперативного построения войск в два стратегических эшелона.

Первый эшелон составляли войска приграничных округов (а с началом войны - фронтов). Второй, предназначенный для проведения первых операций, включал объединения и соединения находящиеся (формируемые) в глубине страны с задачами наращивания усилий первого стратегического эшелона.

Войска первого стратегического эшелона, состоявшие из двух оперативных эшелонов и фронтовых резервов, предназначались для того, чтобы, во-первых, служить основой развертывания главных сил действующей армии; во-вторых, прикрывать проведение мобилизации, развертывание главных сил и их сосредоточение на направлениях возможных ударов противника; в-третьих, вести оборонительные операции и операции по срыву мобилизации и развертывания сил противника.

Войска второго стратегического эшелона предполагалось использовать для усиления группировок главных сил и предупреждения непредвиденных осложнений, от которых не может быть застрахована ни одна из воюющих сторон.

Непосредственно перед началом войны первый стратегический эшелон образовали войска приграничных округов в составе 170 дивизий (103 стрелковых, 40 танковых, 20 моторизованных, 7 кавалерийских) и две стрелковые бригады,

из которых 54 стрелковых и 2 кавалерийских дивизии составляли первый оперативный эшелон.

Задачу прикрытия должны были выполнить все 56 дивизий первого оперативного эшелона и, в зависимости от обстановки, часть сил второго оперативного эшелона. Они опирались на достраивавшиеся укрепленные районы.

Дивизии второго оперативного эшелона (главным образом, танковые и моторизованные дивизии механизированных корпусов) должны были отбросить еще не полностью отобилизованные, развернутые и сосредоточенные (как тогда предполагали) армии вторжения противника; перенести военные действия на вражескую территорию, сорвать его мобилизацию в приграничных районах, помешать завершению стратегического развертывания вооруженных сил в запланированные сроки. Танковые и механизированные дивизии второго оперативного эшелона после перехода через позиции стрелковых дивизий эшелона прикрытия и после пересечения государственной границы должны были стать первым наземным эшелоном ударных группировок фронтов. По разработанным планам, фронтовые резервы создавались по мере доукомплектования стрелковых соединений в округах и прибывающих войск из глубины страны и предназначались для создания новых и усиления действующих группировок войск, решения вновь возникающих задач в ходе операций.

Таким образом, эти два эшелона должны были обезопасить Вооруженные силы страны от внезапного нападения противника. Для этого требовалось только одно, - чтобы они сами были своевременно приведены в полную боевую готовность.

Схематизм в военно-доктринальных оценках и установках, как и неспособность советского военно-политического руководства извлечь опыт из реальных действий вермахта в Западной Европе и Польше, а также игнорирование им данных разведки о сосредоточении немецко-фашистских войск для широкомасштабного наступления, привели к провалу тщательно

распланированных мобилизационных мероприятий и оперативного развертывания войск. Все это усугублялось стремлением во что бы то ни стало оттянуть начало войны хотя бы на несколько месяцев, не дать ни малейшего повода для развязывания Германией войны против СССР.

Повод гитлеровцам не понадобился. Фашистское руководство заблаговременно провело все мобилизационные мероприятия и тем самым упредило развертывание Красной Армии.

Если военно-политическая недалковидность состояла в преступном игнорировании донесений и неверной оценке степени конкретной военной угрозы, то крупнейшей военной ошибкой были приверженность устаревшим теоретическим взглядам и пренебрежение к полноценной теоретической и практической подготовке войск к современным оборонительным операциям.

Дело в том, что планы действий первого оперативного эшелона по прикрытию мобилизационных мероприятий и развертывания войск не были планами оборонительных действий в полном смысле этого понятия. Войска прикрытия не готовились для отражения нападения противника мощными, полностью отмобилизованными и боеготовыми ударными группировками. Их предназначение, как мы видели, состояло в том, чтобы воспрепятствовать отдельным подвижным соединениям противника совершать рейды в глубину нашей территории, в том числе и для срыва мобилизационных мероприятий, как это было в начальном маневренном периоде Первой мировой войны. Отсюда вытекали и планы построения сил и средств армий прикрытия на 1941 год.

Если теория оборонительных действий (операции и боя) предусматривала постановку боевой армии в полосе 80-100 км, а дивизии - в полосе 6-8 км, то, по тогдашним планам прикрытия, армии получали в среднем до 200 км по фронту, то

есть вдвое, а дивизии - до 50 км, то есть в 8 раз больше норматива.

Кроме того, войска первого стратегического эшелона были растянуты на 400 км в глубину. Из-за этого тактические и оперативные плотности были крайне низкими.

Причина для такого построения состояла в том, что войска готовили одновременно и к наступлению, и к обороне. Но при таком оперативном построении войск было невозможно создать прочную оборону против массированных ударных группировок противника.

К этим ошибкам следует добавить вытекавшее из установок ЦК ВКП(б) распоряжение не информировать войска об обстановке, чтобы не началось стихийное, провоцирующее фашистов к наступлению приведение войск в полную боевую готовность. Сегодня уже достоверно известно, что высшее политическое руководство было полностью информировано о сложившейся на западной границе обстановке, однако директива о переводе войск на военное положение, тем не менее, была передана в войска практически с началом военных действий и то дошла далеко не до всех.

Все это помешало командованию приграничных округов обеспечить организованное сопротивление противнику и сорвать его продвижение вглубь страны.

Под давлением обстоятельств стратегические оборонительные операции приобрели стихийно-маневренный характер. Войска были вынуждены отступать, зачастую не имея связи ни с соседями, ни с руководством армий и фронтов. Они были лишены материально-технического снабжения и пополнения личным составом, не имея к тому же достаточного прикрытия с воздуха.

Они выполняли задачу сдерживать противника любыми средствами, чтобы дать верховному командованию возможность

принять меры к нейтрализации последствий оперативной внезапности.

В этом и была трагедия Красной Армии, принесшая миллионные потери в людях и технике.

Позиционно-маневренный характер оборонительные операции советских войск приобрели только осенью 1941 года под Ленинградом и Москвой, под Сталинградом и на ряде других направлений.

Объективно, по характеру фактических действий, это также были операции на истощение ударных группировок противника в последовательных сражениях на оборонительных рубежах, создававшихся заблаговременно в тылу своих войск для отхода на них ослабленных предшествующими боями соединений. Так, под Москвой в 1941 г., задолго до наступления противника на столицу, были созданы четыре оборонительные полосы (рубежа). Первая и вторая были заняты войсками Западного, Брянского и Резервного фронтов. Последние два рубежа (Ржевско-Вяземский рубеж и Можайская линия обороны) войсками не занимались. На них могли отойти войска указанных фронтов в случае неудачи в исходной операции. Помимо того, вблизи города строилась Московская зона обороны. По такому же принципу создавалась и система обороны Сталинграда в 1942 г.

Предполагалось, что и под Москвой, и под Сталинградом стратегические оборонительные операции будут вестись от исходного рубежа через ряд промежуточных до последнего рубежа, где противник будет остановлен, а наши войска, собравшись с силами, перейдут в контрнаступление. Так оно, по сути дела и произошло.

Стратегическая оборонительная операция позитивного типа - операция на срыв наступления противника в первом оборонительном сражении (при жесткой установке "Ни шагу назад!") - была проведена только один раз. Это - операция

Центрального и Воронежского фронтов под Курском в 1943 г. В ней превосходство в силах и средствах было на стороне советских войск: по личному составу в полтора раза, по артиллерии почти в 2 раза, по танкам – в 1,3 раза. По числу самолетов силы были почти равны. Глубина отхода советских войск в местах вклинивания противника составила всего 12 и 35 км. Операция продолжалась 18 суток. После этого противник лишился своих наступательных возможностей.

К числу перечисленных форм стратегических оборонительных действий относится удержание (закрепление) в ходе наступления рубежей и плацдармов, имевших стратегическое значение.

Стратегическое наступление в рамках кампаний Великой Отечественной войны осуществлялись путем проведения ряда последовательных или одновременных наступательных операций.

Каждая стратегическая операция представляла собой систему операций объединений и соединений сухопутных войск, авиации дальнего действия, войск ПВО страны, согласованных по цели, месту и времени. В проведении некоторых стратегических операций участвовали силы флотов и флотилий Военно-морского флота СССР, а также объединения и соединения союзных армий – Польши, Чехословакии, Румынии, Югославии, Болгарии, Монголии и др.

Для проведения стратегической наступательной операции, как правило, привлекались силы двух-трех фронтов. Руководство подготовкой и ведением стратегических наступательных операций осуществлялось Ставкой Верховного Главнокомандования, которая в своей деятельности опиралась на представителей Ставки при командованиях фронтов, на Генеральный штаб РККА, Главные командования стратегических направлений.

Структура военных и политических целей стратегических наступательных операций включала: значительное ослабление

боевой мощи вооруженных сил Германии и ее союзников, освобождение захваченной ими территории и, прежде всего, важных в военно-стратегическом, экономическом и политическом отношениях районов, изменение стратегической и военно-политической обстановки в пользу Советского Союза.

Ряд стратегических операций 1944 года преследовал политические цели вывода из войны союзников фашистской Германии и достижения развала коалиции фашистских государств в Восточной Европе (Финляндия, Румыния, Венгрия, Болгария).

Достижение поставленных целей требовало разгрома крупных группировок сил противника, каждая из которых насчитывала до 1,5 млн солдат и офицеров, десятки тысяч артиллерийских орудий, тысячи танков и самолетов. Поэтому советское командование создавало крупные группировки, превосходящие противника по личному составу в 2 - 2,5 раза, по артиллерийским орудиям и минометам, танкам и самолетам - в 2 - 4 раза.

Стратегические операции развертывались на фронте от 500 до 1000 и более километров и велись на глубину 150 - 300 км. Три из них - Белорусская, Висло-Одерская и Маньчжурская операции - имели глубину свыше 500 км.

Продолжительность операций колебалась от 10 до 70 суток. Темп наступления составлял 15 - 20, а в отдельных операциях - до 30 км в сутки.

Стратегические наступательные операции отличались друг от друга не только своим размахом, но и способами разгрома группировок противника. К числу основных относились: окружение и уничтожение крупных сил противника; рассечение крупной стратегической группировки войск мощным ударом на большую глубину и разгром ее по частям; дробление стратегической группировки противника рядом мощных ударов на широком фронте на нескольких направлениях с развитием их в

глубину и в стороны флангов. Во многих операциях эти способы сочетались.

Среди операций на окружение наиболее известны Сталинградская, Корсунь-Шевченковская, Яско-Кишиневская и Пражская операции. При их проведении наносилось два одновременных удара по исходящим направлениям. В Восточно-Прусской операции окружение было достигнуто нанесением одного мощного охватывающего удара с последующим прижатием группировки противника к морю.

Выбор того или иного способа разгрома противника определялся наличием соответствующих условий. Так, успеху операции на окружение посредством нанесения двух концентрических ударов благоприятствовали:

- наличие в линии фронта выступа, обращенного вершиной в сторону советских войск, то есть охватывающего положения наступающей стороны;
- компактное расположение в этом выступе группировки противника;
- недостаточно надежная обеспеченность флангов группировки: отсутствие прочного их прикрытия естественными преградами, инженерным оборудованием местности и особо стойкими войсками;
- проведение операции на местности, благоприятствующей использованию всех родов войск и прежде всего бронетанковых и механизированных войск;
- достаточное количество соединений и объединений подвижных войск, обеспечивающих упреждение противника в выходе на тыловые рубежи и создание кольца окружения;
- отсутствие в глубине боевых порядков противника крупных оперативных резервов, способных препятствовать попыткам наступающих войск замкнуть кольцо окружения.

Все эти условия были налицо при проведении Сталинградской наступательной операции:

- Юго-Западный, Донской, Сталинградские фронты занимали охватывающее положение по отношению к 6-й полевой и части сил 4-й танковой армий противника;
- в вершине выступа в компактной группировке находились немецкие войска, насчитывавшие 330 тыс. чел, а на флангах - частично деморализованные, менее боеспособные румынские войска, по которым и пришлись главные удары;
- равнинная местность благоприятствовала действиям механизированных корпусов, обладавших высокой подвижностью и большой ударной силой;
- в глубине своей обороны противник не имел оперативных резервов, способных помешать созданию фронта окружения.

В результате операции кольцо окружения замкнулось на четвертый день операции.

При проведении первых операций на окружение, когда еще недостаточно полно были отработаны способы разгрома окруженных группировок противника, важным условием успеха операции являлось наличие у советского командования запаса времени для основательной подготовки и выполнения задачи по ликвидации окруженной группировки войск противника. Этот запас времени существенно восполнял недостаток опыта проведения таких операций.

Так, в Сталинградской операции наступление началось 19 ноября 1942 года; группировка немецких войск была окружена 24 ноября; ее ликвидация началась 10 января 1943 года; а завершилась операция 2 февраля. Между окружением группировки противника и началом ее ликвидации образовалась полуторамесячная пауза, использованная Ставкой для

наращивания сил и средств. В итоге операции противник потерял 140 тыс. убитыми и 91 тыс. чел. пленными.

Дробление стратегической группировки противника ударами на ряде направлений с развитием их в глубину по параллельным, сходящимся или расходящимся направлениям позволяло расчленять их и уничтожать по частям. Выбор этого способа действий диктовался следующими условиями:

- наличием у противника систем обороны, которая опирается на глубоко эшелонированные рубежи, значительные запасы материальных средств, развитую транспортную сеть для маневра по внутренним оперативным направлениям, что позволяет ему длительное время обороняться в полном окружении и отражать фронтальные удары наступающей стороны:

- отсутствием у наступающих войск возможности создать в короткие сроки значительное превосходство в силах и средствах, особенно сосредоточить необходимое количество бронетанковых и механизированных войск.

Остается добавить, что применение этого способа позволяло более скрытно проводить подготовку наступательной операции, затрудняло противнику определение главных ударов, а в итоге - рассредоточивало его внимание и силы на широком фронте.

Наиболее показательный пример стратегической наступательной операции на дробление дает проведение Орловской операции летом 1943 года.

Созданная противником к этому времени группировка войск на большом Орловском выступе, таила в себе угрозу нанесения фланговых ударов на Московском и Курском направлениях. Было необходимо ликвидировать эту опасность.

Четко выраженный выступ в линии фронта и компактное расположение войск противника как бы подсказали проведение

операции по окружению, подобной Сталинградской. Однако окончательное решение Ставки Верховного Главнокомандования склонилось в пользу операции на дробление группировки войск противника.

Замысел операции состоял в том, чтобы силами трех фронтов - Западного, Брянского и Центрального, - занимавших охватывающее положение по отношению к противнику, нанести четыре концентрических удара, раздробить группировку фашистских войск и ликвидировать Орловский выступ.

Почему же была отвергнута форма операции на окружение, которая внешне сулила более уверенное уничтожение группировки, превосходившей по численности и боевому составу Сталинградскую?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо еще раз проанализировать совокупность всех условий, определяющих выбор формы стратегической наступательной операции.

Выше отмечалось, что успех операции на окружение зависит от возможностей наступающего по быстрому прорыву обороны противника, стремительного развития успеха в глубину и создания в короткие сроки внутреннего, а затем и внешнего фронтов окружения. В данном случае советские войска не имели таких возможностей. На всех направлениях противник сумел создать прочную глубоко эшелонированную оборону, занятую войсками на всю оперативную глубину. Выявить слабые места в обороне не удалось.

Другим условием успешного проведения операции на окружение является отсутствие у противника возможности наносить мощные контрудары, способные сорвать создание наступающими войсками внутреннего фронта окружения. На Орловском выступе противник располагал всем необходимым для срыва окружения. Здесь в боевом составе группировки войск

насчитывалось 37 дивизий, в том числе 10 танковых и моторизованных. Группировка опиралась на развитую сеть железных дорог, что позволяло в короткие сроки перебросить значительные силы на любое из ставших опасными направлений. Наличие железных дорог давало противнику возможность быстро перебросить к Орловскому плацдарму силы и средства с других участков германско-советского фронта.

Еще одним условием успешного проведения операций на окружение является также способность наступающей стороны лишить противника возможности пополнять расходуемые материально-технические средства - боеприпасы, ГСМ, продовольствие, запасные части для техники. Под Сталинградом эта задача решалась созданием воздушной блокады окруженной группировки. На Орловском плацдарме это было невыполнимо. И не потому, что Красная Армия не располагала самолетами и зенитными орудиями в достаточном количестве. Противник, заблаговременно создавший большие запасы в удобных для себя местах (на узлах дорог и вдоль основной магистрали Брянск-Орел), мог долгое время вообще обходиться без подвоза материальных средств. Все это показывает, что обстановка не благоприятствовала проведению операции на окружение.

Преимущества операции на дробление состояли в том, что такой прием, во-первых, позволял нарушить целостность мощной группировки, способной стать ядром нового наступления немецко-фашистских войск, затруднить противнику использование маневра силами и средствами, дезинформировать его относительно направлений главных ударов. Во-вторых, избранный способ позволял добиться успеха даже при невысоких темпах наступления, что, при недостатке у советского командования на этом направлении соединений бронетанковых и механизированных войск, имело существенное значение. В-третьих, успешное развитие операции на дробление затрудняло противнику осуществление управления разрозненными группировками войск, вело к хаосу в обороне и создавало

предпосылки к решению противника на отвод войск во избежание их разгрома.

Начиная с лета 1943 года, все более широкое применение стали находить стратегические наступательные операции Красной Армии по расчленению группировок войск противника с последующим их уничтожением по частям. Так, если в Белгородско-Харьковской операции рассекающий удар наносился на глубину до 140 км, в Проскуровско-Черновицкой - до 250, то в Висло-Одерской - на 500 километров. Опыт Великой Отечественной войны показал, что операции на расщепление являлись эффективным способом разгрома крупных группировок войск противника.

Проведению операций этого вида благоприятствовали:

- глубокоэшелонированная система оборонительных полос противника при относительно неглубоком расположении его войск от переднего края;
- явное стремление противника решать боевую задачу последовательным ведением обороны на промежуточных и тыловых оборонительных рубежах;
- значительное превосходство наступающих войск над противником в силах и средствах;
- рельеф местности, благоприятный для использования подвижных войск на всю глубину операции;
- возможность у наступающего быстро сосредоточивать значительные количества подвижных войск для стремительного развития тактического прорыва в оперативный, а оперативного - в стратегический.

Убедительным примером разгрома группировки противника ее расщеплением может служить Висло - Одерская операция, хотя ряд обстоятельств при ее подготовке говорил в пользу проведения операции на окружение.

Противник создал семь оборонительных рубежей на глубину до 500 км. 80 процентов войск было расположено в тактической зоне обороны. Остальные 4-5 рубежей войсками не занимались. Окружение группировки было привлекательным, но оно потребовало бы значительного времени и усилий. Между тем, анализ военно-политической обстановки в мире свидетельствовал о стремлении немецкого руководства затянуть войну и получить возможность вести сепаратные переговоры с западными союзниками СССР. Политические соображения и фактор времени приобретали решающее значение.

Планом операции предусматривались два мощных рассекающих удара 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов по главным силам группы армий "А" с целью их разгрома и создания условий для нанесения решающего удара по Берлину.

За 23 дня советские войска во взаимодействии с 1-й армией Войска Польского продвинулись на глубину до 500 км, освободили значительную часть Польши и вышли на подступы к Берлину. Начав наступление в полосе 500 км, советские войска расширили ее до 1000 км. В ходе операции было уничтожено 35 дивизий противника, а 25 дивизий потеряли от 50 до 70 проц. своего личного состава. В плен было взято свыше 147 тыс. солдат и офицеров.

И все же в большинстве стратегических наступательных операций Великой Отечественной войны имело место сочетание всех или некоторых описанных выше способов. Самыми крупными комбинированными операциями были Белорусская в 1944 и Берлинская в 1945.

Замысел Белорусской операции заключался в том, чтобы уже на первом ее этапе силами Прибалтийского и трех Белорусских фронтов прорвать вражескую оборону на шести участках, раздробить силы противника в тактической зоне, а затем уничтожить его фланговые группировки в районах

Витебска и Бобруйска. В дальнейшем сходящимися ударами 3-го и 1-го Белорусского фронтов расцечь группировку подвижными соединениями и во взаимодействии с войсками 2-го Белорусского фронта и партизанскими соединениями окружить и уничтожить восточнее Минска основные силы группы армий "Центр". Наконец, развить наступление по расходящимся направлениям и выйти к западным границам СССР.

Наступление, начатое 23 июня 1944 года, закончилось 29 августа. Группа армий "Центр" была разгромлена. Советские войска продвинулись на 550-600 км.

Главным политическим итогом Белорусской операции явилось освобождение от фашистов Белоруссии, большей части Литвы, части Латвии, и значительной части польских земель к востоку от Вислы.

Уровень военного искусства той или иной армии характеризуется богатством и разнообразием способов ведения военных действий, размахом, темпами наступления и результативностью в нанесении ущерба противнику. Советское военное искусство получило в годы войны значительное развитие. Однако оценка военного искусства будет неполной, если в число его характеристик не будут включены соотношения потерь сторон в ходе боев, операций, сражений, кампаний и войны в целом.

Известно, что оборона и наступление неравнозначны по затрачиваемым сторонами усилий и потерям в живой силе и технике.

Оборона - более "сильный" вид военных действий, требующий от наступающего трехкратного превосходства в силах и средствах. Об этом писал еще Клаузевиц и это подтвердил опыт всех войн XIX и первой четверти XX века.

Наступающий превосходит обороняющегося и по численности потерь. В 1914 - 1915 гг. в наступательных операциях в

районах Артуа, Ипра, Шампани англичане и французы понесли потери в 2 - 2,5 раза превышавшие потери немецких войск в обороне.

Соотношение 1:2 и 1:2,5 было характерно и для советско-германского фронта в ходе наступательных операций Красной Армии.

Мы пока не располагаем достоверной двухсторонней статистикой по каждой из стратегических операций, чтобы оценить степень развития военного искусства сторон и по этому показателю, а следовательно, не имеем возможности определить истинную цену завоеванной победы.

*

ОТКЛИКИ И РЕЦЕНЗИИ НА ПУБЛИКАЦИИ

ВОЕННОГО ВЕСТНИКА

ВИКТОР КОТОВ: МНЕНИЕ ИСТОРИКА О СТАТЬЕ "ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ" (Военный Вестник N 8-9 1991 г.)

Рассматриваемая статья преследует цель попытаться сделать анализ очень важной проблемы - влияния Первой мировой войны на развитие экономики России.

В советской историографии разработке многих аспектов этого вопроса в период 1914-1917 гг. уделялось достаточно большое внимание (см. Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства во время мировой войны 1914-1918 гг. М.-Л., 1929; Иоффе Я. Блокада и народное хозяйство в мировую войну. М.-Л., 1929; Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 1957; Шигалин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну /1914-1917 гг./, М., 1956;

Анфимов А.Н. Российская деревня в годы Первой мировой войны /1914 - февраль 1917/. М., 1962; Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны /1914-1917/. Л., 1967; Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973 и др.). При расхождении по ряду позиций почти все исследователи сходились в одном - Первая мировая война существенным образом ухудшила экономическое положение России, серьезно нарушила внутригосударственные хозяйственные связи, что послужило одной из важнейших причин Февральской, а затем и Октябрьской революций.

Автор, как видно из текста настоящей статьи, в целом придерживается подобных же взглядов, но идет дальше - он полагает, что экономическая политика Советского правительства была однозначно направлена на сверхцентрализацию, полный государственный контроль над экономикой, причинно обусловленный влиянием Первой мировой войны. Таким образом, феномен войны в данной авторской концепции приобретает изначально определяющий и самодовлеющий характер. Принципиальных отличий в политике, проводившейся в этом направлении царским, Временным и Советским правительствами автор практически не находит.

Задача рецензии - определить, насколько аргументированна и доказательна авторская точка зрения.

Следует отметить, что в советской историографии подобный подход к поставленной проблеме пока не встречался, хотя влияние Первой мировой войны на состояние и развитие экономики России в первые послеоктябрьские годы отмечалось - в той или иной форме - во всех научных и популярных трудах, посвященных истории этого периода. В то же время ряд элементов авторской концепции этого периода в публикациях западных исследователей (Р.Гароди, Г.Петрович, Ф.Марек, О.Шик, М.Боске, Р.Альберт и др.). Остается только сожалеть, что автор не упомянул, насколько он знаком с западной

историографией по указанной проблеме и в какой степени на нем сказалось ее влияние (если, конечно, сказалось) при выработке собственной концепции.

Статья достаточно подкреплена фактическим материалом, который подобран тщательно, со знанием дела, правда, без указаний на первоисточники, что нежелательно, даже, если публикация предполагается в популярном издании. Все же часть важных теоретических посылок автора требует более документированного подтверждения. В противном случае, многие принципиальные аргументы автора могут не "сработать" и не убедить серьезного читателя и, несмотря на свою внешнюю броскость, окажутся лишь эффектным "ударом по воздуху".

В качестве примера можно привести следующее. Автор очень уверенно определяет (с.25 Военного Вестника N 8-9), что "бескомпромиссное изъятие собственности у многих миллионов людей, лишившее их средств к существованию, не оставляло никаких надежд на мирное развитие революции и неизбежно толкало к гражданской войне".

Подобное безапелляционное утверждение, не подкрепленное никакими данными, для серьезного исследователя просто недопустимо. Автор должен знать, что вопросы о возможных путях развития революции и о неизбежности гражданской войны в России являются наиболее дискуссионными и не имеют на сегодняшний день однозначного ответа. В качестве самой простой контраргументации можно привести общеизвестный факт, что революция, по всем оценкам, победила удивительно легко, так как (это признает и сам автор) она была поддержана большинством трудящегося населения страны. Первые контрреволюционные мятежи (Дутова, Каледина, Довбор-Мусницкого и др.) были ликвидированы в считанные дни, поскольку значительного числа сторонников они не собрали. Это показало слабость внутренней контрреволюции. 1-й Кубанский поход Корнилова также окончился провалом, так как в Добровольческую армию в то время добровольно никто не шел

(см. Гуль Р. Ледяной поход с Корниловым /разные издания/ и т.д.). Новая вспышка гражданской войны в середине 1918 г. была вызвана сложнейшим комплексом причин, об объективности которых до сих пор спорят историки.

Таким образом авторскую позицию по данному вопросу, по самым мягким меркам, можно считать, как минимум, преждевременной.

Справедливости ради надо указать, что приведенный выше авторский вывод не является особенно значительным в контексте рассматриваемой статьи. Тем не менее, столь легкое обращение автора с очень непростыми теоретическими вопросами отечественной истории вызывает настороженность при рассмотрении более важных оценочных элементов данной статьи.

Ряд теоретических положений автора не вызывает возражений. Можно согласиться с его точкой зрения о невозможности для царского и Временного правительств в условиях военного времени прибегнуть к ведению какой-либо иной экономической политики, кроме сверхцентрализованной. Правда, порой автор в противоречии с собственной логикой называет такую политику "недальновидной", но возможной альтернативы не приводит.

Автор прав также и в том, что "знаменитая" продразверстка была впервые введена царским правительством по предложению министра А.Риттиха, а не являлась изобретением большевиков, что усиленно доказывают в последнее время всевозможные псевдонаучные публикации. Но, к сожалению, автор забывает, что это решение не было осуществлено и, следовательно, само по себе не могло сыграть свою роль в "падении царского дома". Реально же продразверстка была введена лишь 25 марта 1917 г. решением Временного правительства (закон) о передаче хлеба урожая прошлых лет и будущего урожая 1917 г. в распоряжение государства по новым твердым ценам. Все запасы хлеба сверх

продовольственной нормы подлежали сдаче под угрозой принудительного отчуждения с понижением цены на 50%. В то же время в частных беседах с землевладельцами, которые жаловались на малую норму оставленного им хлеба, министр Временного правительства Шингарев успокоил их, заявив, что "нормы... просто не соблюдайте - кто, мол, вас там будет проверять" (Шидловский С.И. Воспоминания. Часть П. Берлин. 1923. с. 115).

В качестве положительных сторон статьи можно также отметить содержащуюся в ней аргументированную оценку влияния последствий войны на состояние хозяйства России. Правда, как уже говорилось выше, эта тема с достаточной полнотой была освещена в трудах многих других исследователей.

Некоторые другие положения статьи являются, по меньшей мере, спорными и не всегда доказуемыми. Большое сомнение вызывает утверждение автора о выгодности сохранения правительства большевиков странам Антанты по военно-стратегическим мотивам (с. 22). Это противоречит общеизвестному факту огромных расходов той же Англии на интервенцию в Советской России. Кроме того, державы Антанты оказывали существенную финансовую поддержку белогвардейским армиям. С середины 1918 г. Добровольческая армия А.И.Деникина почти полностью находилась на английском содержании. У.Черчилль с полным основанием заявлял: "Это моя армия". При отсутствии серьезных данных в подкрепление данной точки зрения, авторское положение выглядит легковесным. Автор напрасно возмущается "буржуазным" правительством, которое пошло на "ограничение во время войны предпринимательской прибыли" (с. 20). Фактически это ограничение оказалось в противоречии с интересами того социального слоя, продуктом которого оно является. В этом плане характерен ответ фирмы "Нобель" министру торговли и промышленности Коновалову, который, ссылаясь на закон о государственной монополии, требовал отправить топливо в Московский промышленный район: "...лишен возможности

отпускать нефть для Московского района, даже для предприятий первой категории" (История гражданской войны в СССР. Т 1. М., 1937. с. 212).

К падению временное правительство привело не то, что оно в условиях войны пошло на сверхцентрализацию власти и сверхмонополизацию экономики - любое правительство при таких обстоятельствах должно на это пойти, - а то, что оно не смогло эффективно использовать эту власть. Автор здесь правильно подмечает, что возникшее противоречие между упразднением товарного рынка и сохранением частной собственности на средства производства царское и Временное правительства устранить в принципе не могли. Но дальше автор делает вполне логичный вывод: "Поэтому именно военная стратегия, а не закон классовой борьбы, которые в данном случае являются лишь ее следствием, настоятельно требовала предпринять последний шаг - широкомасштабную национализацию" (с. 21).

Именно в этом и заключено противоречие, которое, как представляется, серьезно подрывает всю, на первый взгляд, стройную концепцию автора. Дело в том, что товарный рынок при царском и Временном правительствах не был фактически упразднен, как полагает автор. Он был упразднен лишь формально, в значительной степени деформировался, но продолжал существовать, пусть и в уродливых формах. Множество факторов - некоторые из них приведены выше, - подтверждают это. По существу, автор сам признает это, говоря несколько выше об ограничении пределов официального рынка и отмечая бурный расцвет деятельности спекулянтов-мешочников, что отражалось в основном на жизненном уровне трудящегося населения. В то же время буржуазное правительство не могло, да и не смогло бы лишить буржуазию возможности реализовывать свои интересы, пусть и в изменившихся условиях. Думать иначе - значит поддаваться иллюзиям, основанным на недостаточном анализе обстановки того бурного и сложного времени. Стало быть, классовый фактор оказывается приоритетным в развитии событий

1917 г., а военный приобретает подчиненное, хотя и важное значение. Именно буржуазное правительство не имело возможности закончить войну, поскольку ее продолжение отвечало интересам буржуазии, несмотря на все ограничения ее деятельности, которые по сути оказались чистой фикцией.

По логике автора рецензируемой статьи, изменение характера государственной власти в России в конце 1917 г. не оказало никакого влияния на сущность экономической политики нового правительства. Дальнейшее развитие экономики страны, с его точки зрения, также безвариантно шло по линии сверхцентрализации и хотя помогло одержать победу во Второй мировой войне, но в конечном счете вступила в противоречие с интересами собственного народа и, надо понимать, должна быть изменена, поскольку нарушала законы общественного развития. Нетрудно заметить, что фактор войны у автора выводится здесь в качестве фатальной причины, надолго сбившей Россию с естественного пути экономического развития.

На этих авторских противоречиях необходимо остановиться достаточно подробно, поскольку они являются симптомами характерной болезни, к сожалению, широко распространенной в научных и околонучных кругах - дилетантизма. Классическим признаком этой болезни является игнорирование фактов, не соответствующих сконструированной теории.

В рассматриваемой статье автор даже не предпринимает попытки дать оценку противоположным точкам зрения, не говоря уже о приведении фактов, "работающих" против его концепции. Так, например, автор приписывает большевикам стремление к всеобщей национализации (чего? надо полагать, экономики?), "которая, в их представлении, была частью социализации общества" (с. 22). Не упоминаются ни "Апрельские тезисы", где В.И. Ленин предостерегал против введения социализма как непосредственной задачи, ни его статья "Очередные задачи Советской власти", написанная в начале 1918 г., где разработаны принципы развития экономики, совершенно не

соответствующие изложенным в рассматриваемой статье. Полностью игнорируется период НЭПа, во время которого эти принципы были реально воплощены в жизнь. Другими словами, "если факты противоречат концепции, - тем хуже для фактов".

Говоря о переходе Советского государства к централизованному плановому распределению ресурсов и товаров, автор предпочитает не упоминать, что на такой шаг большевики пошли действительно вследствие войны, только не империалистической, из которой Россия к тому времени уже вышла, а Гражданской. Это явно не соотносится с основной идеей автора, выведенной им в названии статьи о Первой мировой войне как первопричине формирования советской экономики. Придется напомнить также такой общеизвестный факт, что после окончания Гражданской войны большевики отказались от принципов проведения полного государственного централизма в экономике. Если в дальнейшем идея централизма снова была возрождена, то для того, чтобы считать это следствием влияния Первой мировой войны, необходимы не умозрительные заключения, а серьезные доказательства. В статье таких доказательств нет.

Похоже, что автор слабо разбирается и в аграрных проблемах дореволюционной России. Совершенно непонятно, почему он противопоставляет капиталистическим отношениям помещичье землевладение как форму собственности (с. 25). Очевидно, автор полагает, что в начале XX века в помещичьем хозяйстве господствовал феодальный способ производства. Но это абсолютно неверно. После крестьянской реформы 1861 г. феодальная эксплуатация в российской деревне исчезла. Оставались ее пережитки в виде отработок, издольщины и т.п., но общая тенденция развития помещичьего хозяйства была капиталистической. Те же помещики, которые не сумели перестроить свое хозяйство на новый лад, наподобие Раневской в пьесе А.П.Чехова "Вишневый сад", благополучно разорвались.

В глазах крестьянства не государство было одним из главных виновников всех бед, что так же следует из мнения автора, а помещики. Требование конфискации всех помещичьих земель и свободного их передела - вот что заботило крестьян во всех трех российских революциях, - а не налоговый гнет государства. Как показал опыт НЭПа, твердые государственные налоги при отсутствии помещичьего землевладения крестьяне платили охотно и именно тогда получали полную возможность свободного развития. Не ясно, кстати, какой период автор имеет в виду, говоря о получении земли в собственность. Если период после реформы 1861 г., то крестьяне получили землю только в общественную собственность, так как реформа ликвидировала крепостное право, но не ликвидировала общины: крестьяне получили право брать землю в частную собственность только после столыпинской реформы. Возможно, именно это и хотел сказать автор, употребив выражение: "они выкупили землю еще до Первой мировой войны, но никак не могли ее получить"? Выкупили крестьяне, между прочим, формально не землю, а лишь повинности. Крестьяне освобождались лишь от непосредственного принуждения, а не от гнета помещиков, которые, имея в руках основную массу земли, определяли и размер производства и цены на сельскохозяйственную продукцию. Таким образом, автор всего лишь несколькими своими фразами показывает полнейшее непонимание сути тех проблем, о которых берется судить.

Судя по тексту статьи, автор не является сторонником теории марксизма-ленинизма, что в современных условиях не является чем-то крамольным, хотя часто пользуется его терминологией, причем далеко не всегда грамотно, вкладывая в употребление понятий совсем не тот смысл, который имели в виду основоположники теории. Так, в авторском понимании объективность товарно-денежных отношений равна объективности физических законов (с. 23). Но эти понятия абсолютно несопоставимы и у К.Маркса было совершенно не то. Товарно-денежные отношения возникают и действуют на определенных

этапах общественно-экономического развития. Вряд ли автор сумеет доказать, что они действовали в условиях первобытно-го общества или имели широкое распространение в условиях классического феодализма. Забавно, что автор, критически относясь к марксистской теории, тем не менее использует в статье ее некоторые методологические принципы, слабо ориентируясь в азах марксизма.

Совершенно неверно утверждение автора, что согласно теории К.Маркса, в недрах капитализма вызревают и зарождаются социалистические отношения (с. 25). По К.Марксу, однако, в условиях капитализма зарождаются лишь предпосылки социалистической революции, после чего следует переходный период, во время которого и должны быть созданы новые общественные отношения. Непосредственно в рамках капитализма социалистические отношения не вызревают, и именно поэтому социалистическая революция, в отличие от буржуазной, не заканчивается с захватом государственной власти победившим классом, а только начинается.

Автор обнаруживает непонимание марксистской теории государства, утверждая, что учение К.Маркса о социализме предполагает создание абсолютного государства (попутно заметим, что автор неверно понимает и термин "абсолютизм" с. 23). Согласно марксистско-ленинской теории, развитие социализма должно привести как раз к противоположному, то есть к снижению значимости государственных структур и последующему отмиранию государства. По В.И.Ленину, государство переходного периода - диктатура пролетариата - уже не есть государство в настоящем смысле этого слова. Прежде чем приписывать большевикам подобные абсурдные положения, автору стоило бы более внимательно перечитать работу В.И.Ленина "Государство и революция".

Очень спорно утверждение автора, о том, что капиталистические отношения до 1917 г. только набирали силу (с. 25). Вопрос о степени развития капитализма в России в этот период

тоже является одним из дискуссионных. Особенность развития страны как раз и заключалась в том, что при **высоких** темпах роста капиталистического производства в деревне **наличествовали** значительные феодальные пережитки.

Как уже говорилось **выше**, в определенной степени позиция автора перекликается с идеями ряда западных исследователей. Политолог из ФРГ В.Ягер утверждает, что диктатура пролетариата в экономической области и есть государственный капитализм. С ним солидаризируются М.Боске, Р.Вэссон, Р.Альберг и другие. По их мнению, Октябрьская революция попросту заменила частный капитализм государственным. Само же государство является "надобщественной неконтролируемой силой". Однако метания автора от подобного рода взглядов к неумелому использованию элементов марксистской теории приводят к тому, что методологически его статья не выдерживает никакой критики. Это и не творческое применение марксизма, и не последовательный антимарксизм, а эклектичное сочетание того и другого.

Общий вывод - рецензируемая статья написана на непоследовательной и противоречивой методологической основе. Утверждаемая в ней концепция теоретически и фактически не доказана.

★